

знакомишься, нужно прежде всего поздороваться и пожать друг другу руки!

Тут братцы обнялись и, не выпуская друг друга из объятий, протянули по одной руке Алисе. Алиса не знала, что ей делать: пожать руку сначала одному, а потом другому? А вдруг второй обидится? Тут ее осенило, и она протянула им обе руки сразу. В следующую минуту все трое кружились, взявшись за руки, в хороводе. Алисе (как она вспоминала позже) это показалось вполне естественным; не удивилась она и тогда, когда услышала музыку: она лилась откуда-то сверху, может быть, с деревьев, под которыми они танцевали? Сначала Алиса никак не могла понять, кто же там играет, но потом догадалась, что просто это елки бьются о палки, словно смычки о скрипки.

— Смешнее всего было то, — рассказывала потом Алиса сестре, — что я и не заметила, как запела: «Вот идем мы хороводом...» Не знаю, когда я начала, но пела, верно, очень-очень долго!

Братцы были толстоваты: скоро они запыхались.

— Четыре круга — вполне достаточно для одного танца, — пропыхтел Труляля.

Они остановились так же внезапно, как и начали; музыка тут же смолкла.

Братья разжали пальцы и, не говоря ни слова, уставились на Алису; наступило неловкое молчание, ибо Алиса не знала, как полагается начинать беседу с теми, с кем только что танцевала.

«Нельзя же сейчас вдруг взять и сказать: «Здравствуйте!» — думала она. — Так или иначе, но здороваться уже поздно».

— Надеюсь, вы не очень устали? — спросила она наконец.

— Ни в коем разе! — отвечал Труляля. — Спасибо за внимание.

— Премного благодарны! — поддержал его Траляля. — Ты любишь стихи?

— Д-да, пожалуй, — ответила с запинкой Алиса. — Смотря какие стихи... Не скажете ли вы мне, какой дорогой я выйду из лесу?

— Что ей прочесть? — спросил Траляля, глядя широко открытыми глазами на брата и не обращая никакого внимания на ее вопрос.

— «Моржа и Плотника». Это самое длинное, — ответил Труляля и крепко обнял брата.

Траляля тут же начал:

Сияло солнце в небесах...

Алиса решила прервать его.

— Если этот стишок очень длинный, — сказала она как можно вежливее, — пожалуйста, скажите мне сначала, какой дорогой...

Траляля нежно улыбнулся и начал снова:

Сияло солнце в небесах,
Светило во всю мочь,
Была светла морская гладь,
Как зеркало точь-в-точь,
Что очень странно — ведь тогда
Была глухая ночь.

И недовольная луна
Плыла над бездной вод
И говорила: «Что за чушь
Светить не в свой черед?
И день — не день, и ночь — не ночь,
А все наоборот».

И был, как суша, сух песок,
Была мокра вода.
Ты б не увидел в небе звезд —
Их не было тогда.
Не пела птица над гнездом —
Там не было гнезда.

Но Морж и Плотник в эту ночь
Пошли на бережок,
И горько плакали они,
Взирая на песок:
— Ах, если б кто-нибудь убрать
Весь этот мусор мог!

— Когда б служанка, взяв метлу,
Трудилась дотемна,
Смогла бы вымести песок
За целый день она?
— Ах, если б знать! — заплакал Морж, —
Проблема так сложна!

Ах, Устрицы! Придите к нам, —
Он умолял в тоске, —
И погулять, и поболтать
Приятно на песке.
Мы будем с вами до утра
Бродить рука в руке.